

Е. В. Капинос

*Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

dzerv@mail.ru

УЕЗДНЫЙ И ГУБЕРНСКИЙ ГОРОД В РОМАНЕ И. А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»

В романе «Жизнь Арсеньева» изображено и упомянуто множество локусов, особенно разнообразно пространство пятой книги романа. В статье прослеживается, как чередуются в пятой книге локусы с реальными топонимами (главный из «реальных» локусов – губернский город Орел, где живет Алексей Арсеньев) с локусами, названия которых вымышлены или не приводятся вообще. Таков «уездный город», откуда происходит Лика, таково «Батурино» – родное имение Арсеньева. С «уездным городом» связана лирическая тема романа. Под «уездным городом» в «Жизни Арсеньева» подразумевается Елец, хорошо знакомый писателю по годам обучения в гимназии. Елец точно опознается в романе по ряду примет, соответствующих реалиям Ельца конца XIX – начала XX в., но «уездный город» намеренно не называется в романе, он остается вместилищем обобщенной лирической семантики, метонимией любого русского провинциального города. Неопределенное название и неопределенные черты неизвестного города, изображенного в романе наряду с Орлом, образуют абстрактный, универсальный, лирический план текста, тогда как конкретные локусы с узнаваемыми реалиями обеспечивают детальное прочтение, узнавание в художественном тексте известных локальных реалий, правдоподобие. Сочетание локальной абстракции и реалистичности, правдоподобия характеризует повествовательный стиль Бунина, который антиномистически сочетает в себе реалистическую точность и силу лирического обобщения.

Ключевые слова: И. А. Бунин, локус, пространство, образ города, лирический мотив, лирический роман, топоним.

Город в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» является одним из лирических обертонов «я» автора и его автобиографического героя, это пространственное «тайнохранилище», где лирическое «я» и скрывает, и открывает себя. В романе описывается много городов, но один из главных локусов «Жизни Арсеньева» – Елец, оставленный в тексте без имени на фоне реальных топонимов. Топонимический слой в «Арсеньеве» обширен и разнообразен: в книге названы Орел, Смоленск, Витебск, Полоцк, Липецк, Курск, Харьков, Малороссия, Белгород, Севастополь, Москва, Петербург, Франция, Антиб и проч., – но скрытое имя Ельца в

романе закамouflировано, «неназванность» не выпячивается как прием, не ощущается как нарочитое умолчание, отсутствующее имя города незаметно. Получая ряд точных географических названий, читатель довольно хорошо представляет, где примерно происходит действие романа, но географическая определенность наступает не сразу, а только в четвертой книге, до этого повествование ведется в обобщенном ключе («в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе...») [Бунин, 1966. С. 7]¹ и маркируется не реальными, а вымышленными топонимами («Батурино»). Роман начинается с детских воспоминаний героя в плюсковам-

¹ В дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в круглых скобках.

перфекте, поэтому некоторая пространственная расплывчатость списывается на счет сбивчивости инфантильного восприятия, а приблизительная локализация города, где Арсеньев учится в гимназии, кажется вполне естественной. В финале четвертой книги романа Алексей Арсеньев попадает в Орел, где ему предстоит встретиться с Ликой, работать в редакции газеты «Голос». Орел, напротив, со всей своей локальной определенностью входит уже во взрослую жизнь Арсеньева. Пространство становится все более и более конкретным по мере взросления героя, получая одновременно еще и темпоральную характеристику: траурный поезд с телом Александра III (1894 г.), остановившийся на орловском вокзале в XIX главе четвертой книги, переводит повествование из плюсквамперфекта в актуальное «настоящее», к конкретному историческому моменту. Приблизительно в этой точке романа герой преобразуется. Он, конечно, не исторгнут из собственного мира воспоминаний и давних впечатлений, непрерывной нитью протянутых через всю его жизнь, но именно в финале четвертой книги герой активно «вклинивается», «включается» в событийную сюжетную цепь, из пассива переводится в статус актанта. По-прежнему темпорально возвышаясь над прошедшими событиями, он одновременно внедряется в токи протекающего, еще не истекшего времени, в еще не развернутый, но развертывающийся сюжет². Незаметно для читателя из героя-скриптора, не вовлеченного в события и испытывающего только ментальные и возрастные перемены, Арсеньев превращается в героя еще несвершенной судьбы, рискующего собой в любви и творчестве. Так же, как и Арсеньева, автор наделяет актантностью в пятой книге и героиню. Судьбоносная встреча с Ликой происходит в конце четвертой книги, в которой Лика еще не стала действующим лицом, она – одно из многочисленных переживаний Арсеньева и

едва вычленяется из множества персонажей романа. Однако очень скоро Лика перестает быть объектом наблюдений и описаний Арсеньева, более того – от нее начинают исходить неожиданные сюжетные импульсы, именно с ней связана финальная пуантировка.

Последняя книга, несмотря на лаконичность, чрезвычайно богата по своей географии. Губернский Орел, где живет и работает в редакции «Голоса» Арсеньев, служит опорной точкой художественной географии пятой части. В редакции Арсеньев впервые видит Лику, приехавшую погостить к родственнице. Происходит Лика, как выясняется позже, из соседнего уездного городка: желанием «отдохнуть от провинции» (С. 222) оправдывается доктор, отец Лики, наведавшись в Орел, чтобы забрать домой, отвлечь от Арсеньева свою дочь. Уездный, провинциальный город, в котором живет Лика с отцом и братом, а также имение родителей Арсеньева, расположенное близ того же неназванного уездного города, все время мерцают за Орлом. И этот «уездный город» – не какой-то новый, чужой, а уже хорошо знакомый читателю по детским, гимназическим и юношеским впечатлениям Елец, детально обрисованный в первых четырех книгах. Но в пятой книге романа он выглядит несколько иначе, его трудно узнать, отсутствуют развернутые описания, привычные для предыдущих четырех книг, читатель опознает уже знакомый город лишь по отдельным штрихам, скорее догадывается о нем, чем видит его.

Таким образом, пространство «средней России» в романе создается как сложный, «многослойный» конструкт, оно наделяется глубинной перспективой, обеспеченной близостью друг к другу и похожестью друг на друга всех среднерусских локусов. Но пространственная среднерусская перспектива специально не просматривается во всей четкости, периферийные планы намеренно не отмечаются реальными наименованиями. Арсеньев часто возвращается из Орла, где нанимает комнату в гостинице, в свое имение, временами останавливаясь на пути из Орла или в Орел в уездном городе. Читатель фиксирует его передвижения, как и передвижения Лики, доктора, но при этом как бы не узнает тот же самый неназванный Елец, в котором Арсеньев провел гимназические годы. «Город был теперь другой, со-

² Правда, «включение» героя в сюжет, присоединение его к актуальному настоящему маскируется тем, что в конце четвертой книги повествование перескакивает в Антиб, в 1929 г. (год смерти Великого Князя Николая Николаевича), т. е. вся пятая книга – это не актуальное настоящее, а тоже воспоминание о 1890-х гг. из конца 1920-х. Однако в данной статье мы отступим от этого временного скачка, оставив его в стороне как отдельную и уже отчасти разработанную в буниноведении тему.

всем не тот, в котором шли мои отроческие годы... только иногда, проходя по Успенской улице мимо сада и дома гимназии, ловил я что-то как будто близкое душе, когда-то пережитое» (С. 204), – так думает влюбленный, весь отданный новому, незнакомому, чувству Арсеньев. Любовь к Лике заполняет его душу и будто бы вытесняет оттуда родной город, вернее, знакомое пространство обновляется, а обновляясь, опустошается, «прозрачивается» в душе Арсеньева, теряет прежний облик. Свой город Арсеньев переживает теперь как город Лики, и нет ничего удивительного в том, что в пятой части исчезает то множество реалий и людей, заполнявших Елец всех предыдущих четырех книг: «Мы с утра до вечера сидели на турецком диване в столовой почти всегда в одиночестве... Одно время эти однообразные сидения и, может быть, моя неумеренная, неизменная чувствительность наскучили ей – она стала находить предлоги уходить из дому, бывать у подруг, у знакомых, а я стал сидеть на диване один...» (С. 204). Непривычная пустота города пятой книги «Арсеньева» (у героя, в отличие от героини, будто бы не осталось ни дел, ни знакомых), его неразрывная связь с героиней не очевидна, но все же в некоторой мере напоминает никем не населенный город одного из рассказов цикла «Темные аллеи» – «Поздний час».

Эффект «неузнавания» знакомого пространства позволяет проследить важную композиционную особенность романа: пятая часть будто бы отделяется и все дальше отходит от предыдущих четырех. Кстати, сокрытие от Арсеньева по воле Лики ее смерти в конце романа выглядит совершенно неправдоподобно, если помнить о том, что Лика умирает, возвращаясь не только в свой, но и в родной для Арсеньева город. Молва из родного города должна была достичь Арсеньева, по крайней мере, это точно должно было бы произойти в Батурине, где Арсеньев провел всю зиму перед тем, как весной узнал о смерти возлюбленной. Между тем город мертвенно молчит, позволяя брату Лики выполнить наказ сестры: «– Отец не желает вас видеть. Она же, как вам известно, в отсутствии. <...> – Уходите, пожалуйста, – прибавил он тихо, и видно было, как под косовороткой бьется его сердце». «Весной того же года я узнал, что она приехала домой с воспалением легких и

в неделю умерла. Узнал я и то, что это была ее воля – чтобы скрывали от меня ее смерть возможно дольше» (С. 287). Из последней цитаты следует, что Арсеньев почерпнул сведения о смерти Лики не из молвы, и, хотя источник этих сведений таинственно безличен, все равно ясно, что сведения были переданы Арсеньеву интимно, кем-то, кто имел в виду именно его и знал об их романе.

Важно и то, что «уездный город» в пятой книге «Арсеньева» существует далеко не только как реальный город «по соседству» с Орлом – для Арсеньева это еще и город, сотканный воображением, замкнутый, туда почти невозможно проникнуть. В Орле «уездный город» является Арсеньеву в видениях и снах как исчезающее, бегущее реальности пространство, как тающее подобие времени. Выразительное видение Ельца открывает XII главу пятой книги: «Случалось, я шел на вокзал. За триумфальными воротами начиналась темнота, уездная ночная глушь (отметим, что Арсеньев идет на вокзал Орла, губернского, а не уездного города. – Е. К.). И вот я мысленно видел какой-то уездный городишко, неведомый, несуществующий, только вообразившийся мне, но так, точно вся моя жизнь прошла в нем. Видел широкие, занесенные снегом улицы, чернеющие в снегу хибарки, красный огонек в одной из них... И с восторгом твердил себе: да, да, вот так и написать, всего три слова: снега, хибарка и лампада в ней... больше ничего!» (С. 234).

Второй «елецкий» сон Арсеньева имеет сюжет – юноша-Арсеньев видит себя мальчиком в цирке, с отцом: «По дороге я вспомнил сон, который видел в эту ночь: была масленица, я опять жил у Ростовцевых, сидел с отцом в цирке, глядел на арену, на которой бежало целое маленькое стадо черных пони, целых шесть штук... они были нарядно подседланы маленькими медными седелками с бубенчиками и очень круто взнузданы, – красные бархатные поводья уздечек были так натянуты к седелкам, что они в дугу гнули толстые короткие шеи, на которых черной щеткой торчали коротко подстриженные гривки, – а из челок торчали у них красные султаны... они бежали дружно, ровным рядом, мелкой рысцой, звеня бубенчиками, зло, упрямо согнув серные головы, – все масть в масть, рост в рост все одинаково бокастые, коротконогие, – и вы-

бежав, вдруг уперлись, грызя удила и трясая султанами...» (С. 241). Ясность, четкость сна, его «натуралистические» подробности контрастируют с онейрической сущностью описываемого: призрачные лошадки из детства, пригрезившиеся Арсеньеву во сне, бегущие четким кругом, повторяющим замкнутый островок арены, дают столь живую и плотную картину, что она заставляет забыть об орловской улице, по которой, продолжая «досматривать» свой сон, идет Арсеньев. Орловская улица приводит Арсеньева в писчебумажный магазин, где он покупает тетрадь, которая будет озаглавлена «Алексей Арсеньев. Записи». Сон о Ельце подается в романе как эмоциональный повод для начала романа-сознания, романа-видения, романа-города.

Еще одна номинация «уездного города» в «Арсеньеве» – «наш город». Такое наименование встречается лишь однажды. Разминовение с Ликой, случившееся после приезда в Орел ее отца, вынуждает Арсеньева уехать из родных мест, но он не выдерживает разлуки, посылает Лике телеграмму и спешно, в одну ночь, возвращается из Москвы в «наш город». Словосочетание «наш город» предсказывает момент примирения и сближения: прямо с вокзала Арсеньев и Лика едут в Дворянскую, в ту самую гостиницу, что подробно описана в VIII главе второй книги³: «Отец в мои гимназические годы <...> приезжая в город, опять стал останавливаться только в Дворянской, всегда занимая лучший номер. И вот, когда он приезжал, я из дома Ростовцевых сразу попадал на два, три дня совсем в другой мир, опять на время становился барчуком <...>. А вечером мы сидели в огромном и ледяном шатре братьев Труцци, резко и приятно вонявшем всем тем, чем всегда воняет цирк...» (С. 71–73). Свидание с Ликой после разлуки – это тоже островок (наподобие круглой цирковой арены) «другого мира», мира, пространственно локализованного в знакомом уездном городе, но отделенного ото всего и ото всех, никому не ведомого, затерянного, принадлежащего только Лике и Арсеньеву: «В нашем городе уже ездили на колесах, на станции бушевал вольный азовский ветер <...> На извозчике она мол-

ча клонила голову навстречу ветру, – только несколько раз повторила горько и сухо:

– Что ты со мной делал, что ты со мной делал!

Потом сказала все так же серьезно:

– Ты в Дворянскую? Я поеду с тобой...

Войдя в номер, – он был во втором этаже, большой, с прихожей, – она села на диван <...> И стала снимать шляпу <...> Я вскочил, повернул ключ в двери...» (С. 254). Эта сцена, как нам представляется, и положена в основу «Позднего часа» из «Темных аллей», рассказа, «предсказанного» романом, входящего в корпус бунинских «текстов о Лике». Город, овеянный памятью о детстве, присутствием родных, как и в «Позднем часе», соединяет в «Арсеньеве» героев, участвует в сюжете их примирения и любви. Все кульминационные сцены сюжетной линии Лики и Арсеньева так или иначе связаны с неназванным, скрытым в тени губернского Орла, «уездным городом», куда помещены герои, но одновременно и родной город помещен и растворен в них.

«В “Жизни Арсеньева” изображен не только эмпирический Елец <...>, но и Елец мифологический⁴, пространственная мистика которого проявляется теперь в том, что город, навсегда оставшийся в прошлом и потому мертвый, наделяется чертами города вечного, хранимого в памяти героя-повествователя» – пишет В. Ш. Кривонос [2007. С. 153]; следуя курсиву, обратим внимание на каузальную связь между мертвым и вечным. Правда, по мнению В. Ш. Кривоноса, бунинский Елец, в особенности в дореволюционной прозе, все-таки вписывается в общий провинциальный текст русской литературы, где ему отведена роль провинциального захолустья. Однако исследователь не может не признать, что в эмиграции Бунин создает «новый миф о Ельце, значимо преобразя образ *города*, чтобы он мог служить символом другой, *уездной* России, навсегда погибшей, но неуничтожимой и вечной; и не только новый миф, но и новую парадигму *русского уездного города*, который память и воображение писателя канонизируют как особое (также неуничтожаемое и вечное) мифологическое место, связанное с мифологизированным образом человека, автобиографического бунинского героя, каким его исторический прототип,

³ Тот же сюжет – приезд отца к сыну-гимназисту – обнаруживается в рассказе «Подснежник».

⁴ Здесь и далее курсив автора цитируемой статьи.

возможно, действительно, был <...> *когда-то*» [Кривонос, 2007. С. 153]. Согласимся с этим утверждением, ведь действительно, когда реальный, маленький и провинциальный Елец ветшает и рушится под гнетом советской власти, то воображаемый Елец вырастает на страницах «Жизни Арсеньева» как великолепное призрачное подобие Трои, Китежа, Карфагена, Вавилона.

Лирический образ города в «Жизни Арсеньева» не продолжает русскую традицию провинциального «елецкого текста» даже антитетически – в эмигрантский период Бунин в одиночку создает окказиональный, прежде нигде не бывший остров, необитаемый «уезд», который связывает в единый текст несколько его поздних произведений и позволяет читать разные тексты на фоне друг друга, опознавая знакомые локальные приметы, разглядывая лирические подтек-

сты и прозревая сквозь магический кристалл лирического пространства сюжет героев, причем главный герой романа автобиографичен, а героиня, как и город, имеет реальное, прототипическое имя – Варвара Пашенко, но преобразуется в нетленную и многоликую «Лику».

Список литературы

Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1966. 340 с.

Кривонос В. Ш. «Уезд-городок»: миф о Ельце в русской литературе // Кривонос В. Ш. От Марлинского до Пригова: Филологические студии. Самара, 2007. С. 114–158.

Материал поступил в редколлегию 30.11.2014

E. V. Kapinos

A DISTRICT CENTER AND A PROVINCIAL CENTER IN I. A. BUNIN'S «THE LIFE OF ARSENYEV»

The novel «The Life of Arsenyev» depicts and references numerous loci, which become especially diverse in the fifth book of the novel. The article analyzes the fifth book by tracing the interplay between the loci designated by true toponyms (the primary of which is the provincial center Orel where Alexey Arsenyev lives) and the loci whose names are fictitious or which remain unnamed. Such is the case with Lika's hometown described as a «district center», or with «Baturino», as Arsenyev's homestead is named. The «district center» becomes the focus of the novel's lyrical theme. The «district center» of «The Life of Arsenyev» stands for the city of Yelets which was well known to the author who went to a secondary school there. There are a number of telling details in the novel that correspond to the city's realia dating from the late XIX – early XX centuries and allow one to identify Yelets without hesitation. However, the «district center» of the novel purposefully remains unnamed and thus functions as a repository of the generalized lyrical semantics that is metonymic of any Russian provincial city. The indefinite name and features of the unknown city portrayed in the novel along with Orel create the abstract, universal, lyrical plane of the text whereas the specific loci corresponding to recognizable realia ensure an understanding and recognition by the reader of the realistic local details. The combination of abstraction and realism in the depiction of localities is characteristic for Bunin's narrative style which antinomically combines realistic precision and forceful lyrical generalization.

Keywords: Ivan Bunin, locus, space, city image, lyrical motif, lyrical novel, toponym.